

- 2003 - 11-14 год - с 20

ОТКАТ УБИЛ ПРОКАТ



Помню, в студенческие годы мы с трудом протискивались в малый зал Дома кино, чтобы в духоте и тесноте лицезреть изысканные черно-белые эскерсисы выпускника Высших курсов Ивана Дыховичного. А в 90-е критики схлестнулись в спорах по поводу его «Прорыв», в которой тоталитаризм распаивал френч. В «Музыке для декабря» анамнез больного времени середины 90-х впитался в поры больного Питера. Потом была сшитая из ярких лоскутьев бесшабашная «Копейка»... Вообразить, что все это «разномастье» — дело одного человека, невозможно.

С режиссером Иваном ДЫХОВИЧНЫМ обсуждаем проблемы отечественного кино, поднятые в беседе с Даниилом Дондуреом

— Угасание интереса к «нашему» кино было связано с социальными катаклизмами?

— Не только. Еще до всех катаклизмов мы пережили пору видеоподпольной жизни. Подсели на «наркотик» диких, ужасных копий. Мы привыкли смотреть кино «без экрана». Выросли на осколках чужой культуры. Культура восприятия исчезла.

Потом захотелось смотреть только американское кино. Кинотеатры были растасканы. Очень легко это приняли люди, которые могли тогда на это влиять.

А мы увлеклись пробиванием небес коммерческого кинематографа, который был ужасен. Наше коммерческое кино — порнография чистой воды. В итоге потеряли зрителя.

В Рыбинск Тарковский ездил четыре раза. Собирались человек 40 в маленьком зале, ради них проделывал по 400 км. Однажды Ромм сказал: «У нас нет хорошего кино, потому что оно никому не нужно». Мне кажется, что в тот момент людям не стало нужно какое-то духовное кино...

— Мы и подошли к проблеме свободы и ее цены.

— Пользоваться свободой общество совершенно не умеет. Мы были к ней не подготовлены, не понимали, как жить дальше. И за истекшее время никто этого не сформулировал.

— Провокационный вопрос. Похолодание политического климата сейчас наступает, как арктический циклон. Кинотеатры достались людям, думающим о прибыли, а не об ответственности. Простите за пафос. Может быть, для кинематографа это полезно? Раз уж он привык к эзопову языку.

— Если я произнесу эту кощунственную фразу, за нее придется отвечать... Приведу слова Тарковского: «Дайте мне карт-бланш и пленку — и я потрясу мир». Потом он подумал и добавил: «Ничего я не потрясу. Я рыба глубоководная. Могу работать только под давлением». Поэтому вы правы. Оказывается, в вакууме свободы у нас нарушается правильная ориентация мира и духовных ценностей.

Люди ничего не боятся, что бы им ни показывали: трупы, растерзанных младенцев... Но возникает иносказание — и начинается работать куда мощнее. Для меня фильм «Копейка» был абсолютно необходим. Считаю, что наше недавнее прошлое никто не зафиксировал, не растаскал с ним, смеясь. Помните, Жириновский наговорил людям непозволительных вещей. Все растерялись. Мы смотрели и думали: «А что нужно сделать Чубайсу, Хакамаде, чтобы его

перебить?». Засмеяться! И больше бы его не было. А все сделали серьезные лица.

— И «голый король» обрел политическое одеяние. Бред этот закрепляется ежедневно в телеэкранной «картинке», ставящей не-потребному знак ГОСТа. Ваша «Копейка» высмеивает социальные штампы своего времени, его уродство. И это единственная картина Дыховичного, обращенная к широкому массам.

— К нормальным людям.

— Вряд ли «Черного монаха» посмотрят миллионы. А «Копейку»... могли бы.

— Я чувствовал «Копейку», хотел ее снять. Многие отнеслись презрительно к фильму. Не хватало привычного подтекста, который я вкладывал в предыдущие работы. Ее делать было еще мучительнее. Найти точную интонацию, язык, стиль времени.

Но с какого-то момента мне перестало быть интересным, как тебя оценят. Что бы ты ни сделал, противники найдутся. Огромное число людей, самых неожиданных, восприняло картину замечательно. Особенно удивило меня новое поколение, которое цитирует, говорит целыми диалогами из фильма.

— Поколение, о котором вы говорите, сегодня и есть основной посетитель кинотеатров.

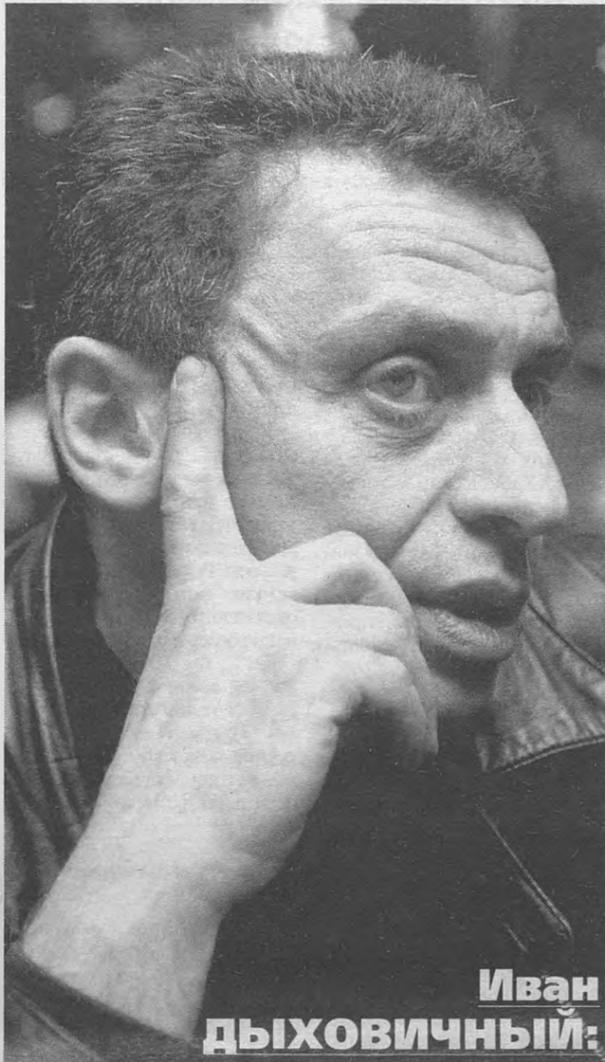
— В конце 80-х я заявил большому чиновнику крамольно, что люди не вернуться в эти ободранные старые кинотеатры. Новое поколение войдет в новые залы с качественным показом. Так и случилось.

Кинотеатры достались людям, думающим о прибыли, а не об ответственности. Простите за пафос...

Но процесс модернизации произошел странно. Кинотеатры достались людям, желающим иметь лишь прибыль, абсолютно не думающим об ответственности перед, простите за пафос, поколениями. Государство же не заняло никакой позиции. Ему нужно было отчитаться: в кинотеатры снова ходят люди. В подавляющем большинстве кинотеатры созданы совместно с американскими компаниями. Выпускать русскую картину у них нет резона.

— К тому же много откровенно слабых фильмов.

— И это правда. Работать с русскими картинами сложно. Государство же на позицию защиты национального кино не встало.



PhotoXPRESS

Иван Дыховичный:

Коммерческое кино — это порнография

— А как же создание государственной специальной структуры Роскинопрокат...

— Это все чушь, формальная организация, стремящаяся аппарат кормить. В любой цивилизованной стране — ценз на американские картины. С американского билета 30 процентов отдают на развитие русского кино. Умное государство, по идее, должно лоббировать свое кино, как это делает Франция.

— Существует разные пути «защиты» национального кино: индийский, французский, польский. Каков наш путь?

— Да никаким путем мы не шли, все путали. Защищали тех самых людей, которые гробили прокат нашего кино.

Защищали все: от чиновников до президента. У нас в кино, мне кажется, будет сложная история. Мы должны стремиться возвращать деньги, потраченные на кино, с помощью проката. А нас по-прежнему не подпускают к кинотеатрам. «Копейку» показали лишь в «Ролане» и «Пяти звездах», где в пяти залах она собирала аншлаги.

— На владельцев невозможно повлиять?

— До сих пор идут споры по поводу закона о льготном налогообложении. По-вашему, это была панацея или акция глобального отмывания денег?

— Конечно, спасение. И кинотеатры построены во многом благодаря той же панацее. И вся активизация процесса кино...

— Похоже, система отката заняла сферы за пределами кино, став тотальной. Не мне вам говорить. О телевидении, в частности, вы знаете не понаслышке.

— Они размещают только тех, по поводу которых раздаются звонки из «приемных». Таких «продавленных» фильмов в год выходит несколько. И пока это не переломится, будем обольстяться, которые просят у папы-государства деньги и не возвращают. В этой системе возникает искажение. Зачем снимать кино, обращенное к людям? Все равно его не увидит.

— Может, поэтому новые молодые режиссеры предпочитают снимать фестивальное кино?

— Вот Звягинцев. Его кино получило штамп, что оно хорошее, в Италии. Ведь только иностранная оценка воспринимается у нас серьезно. Однако «Возвращение» с трудом разместили в трех кинотеатрах. Работать с картиной никто не хочет. Несколько бизнесменов хотели сделать со мной кино и спрашивали: «Есть ли инструмент, с помощью которого можем вернуть потраченное?». Нет такого инструмента. Я не могу ничего гарантировать...

— И для сложностановочной «Прорыв», в которой сталинская роскошь сыла во всем поразительном ее жутком великолетии?

— Финансировали французы глос частные деньги. Лишь на «Черного монаха» были выделены копейки, оставшиеся в Госкино. На эти крохи нельзя было снять картину. Помог немецкий второй канал телевидения.

— Вставал ли вопрос о возвращении средств? Вот, например, эстетский «Черный монах» заведомо не может вернуть денег...

— Эта картина вообще в России не шла (лишь позже — на телевидении). Ей дали третью категорию. При этом она получила приз в Венеции, не-

— Думаете, в оборонке не воруют? Или меньше? Другое дело, когда люди вообще кино не снимали, а деньги умыкали. Но не верьте, что таких случаев было много. Из них раздули слона, потому что кому-то это было выгодно. Вместо того, чтобы отладить «инструмент», его прихлопнули. Но заметьте, когда некоторые начали прозрачно платить налоги... знаем, чем все это закончилось.

— Какова атмосфера в кино?

— Мне показалось, что две-три новые картины означают просвет. Я вообще живу надеждой. Показалось, есть легкое движение в сторону сути... Что касается общей атмосферы, то пока она далека от ощущения возрождения. Пришло прагматическое поколение. Основная

— Вы с писателем Сорокиным затеяли новый проект...

— Да, расцениваю сотрудничество с ним как счастье. Я ведь и с Надей Кожушанной сделал четыре сценария. Просто нас запустели...

— Про что сегодня вам интересно снимать кино?

— Скажу иносказательно. Несколько дней назад один человек, занимающийся перформансами, тусовками, разными акциями, собрал у себя доволь-

сколько призов в мире, ее купили в Европе. Собрала в итоге огромные деньги. Шла в двадцати странах. В Венеции я получил приз за лучший дебют года, но ни одна газета об этом не написала. Но я воспитан был так, что все надо выгрызть. Во мне не было инфантилизма.

— Вы с писателем Сорокиным затеяли новый проект...

— Да, расцениваю сотрудничество с ним как счастье. Я ведь и с Надей Кожушанной сделал четыре сценария. Просто нас запустели...

— Про что сегодня вам интересно снимать кино?

— Скажу иносказательно. Несколько дней назад один человек, занимающийся перформансами, тусовками, разными акциями, собрал у себя доволь-

Чем больше кричат про наше своеобразие — тем меньше своеобразия. И больше хоров Пятницкого

масса по-прежнему работает в стиле «чего угодно»: вам подогреть или подавать холодным?

— Не кажется ли вам, что главная проблема нашего кино — непрофессионализм на всех уровнях: от монтажа до грима?

— Многим кажется, что дилетантизм незаметен. На самом деле зритель отмечает качественное.

— И идет на американское кино. В чем же причина тотального дилетантизма?

— Мы перестали стесняться того, что мы — обезьяны, что подражаем всему на свете. Смириться с тем, что во всех проявлениях человеческой деятельности стали вторичными. Если вы заметили, и в науке нашей был непростой путь, в технологии отставали. Но в идеях, концептах, желании сделать что-то уникальное мы были во многом впереди. Мы можем! Это и есть путь самоидентификации, а не квасной патриотизма.

— Что случилось со старшим режиссерским поколением? С теми, кем мы так гордились?

— Они пережили трагедию. Порвалась связь времен, люди не почувствовали нового звука времени. И еще, это следы воспитанного советской властью инфантилизма, неуменья жить ответственной свободной жизнью, ведь у них были (и сейчас по-прежнему) открыты все двери. Скажу парадоксальную вещь, мне повезло: почти никогда государство не давало денег на мои проекты.

— А как же первые короткометражные картины...

— На них я получил примерно столько, сколько стоил билет от Москвы до Ленинграда.

— И для сложностановочной «Прорыв», в которой сталинская роскошь сыла во всем поразительном ее жутком великолетии?

— Финансировали французы глос частные деньги. Лишь на «Черного монаха» были выделены копейки, оставшиеся в Госкино. На эти крохи нельзя было снять картину. Помог немецкий второй канал телевидения.

— Вставал ли вопрос о возвращении средств? Вот, например, эстетский «Черный монах» заведомо не может вернуть денег...

— Эта картина вообще в России не шла (лишь позже — на телевидении). Ей дали третью категорию. При этом она получила приз в Венеции, не-

но много людей и предложил... почитать стихи. Все пришли с сарказмом наготове. А потом читали стихи. Свои и любимые. И случился грандиозный вечер. Люди не хотели расходиться.

Володя Сорокин заметил: «Этого не могло быть два года назад». Последнее время меня зовут в какие-то неожиданные места, где возникают разговоры, невозможные еще год назад. О сути. И даже... меня вдруг снова попросили сыграть на гитаре. Я же в руки гитару не брал лет шесть, это никому не было нужно.

Мне кажется, люди задумались снова о ценности жизни, ищут собственный путь. Тем, у кого тяжелое положение, необходимо найти какой-то выход, чем жить дальше. Кому удалось приобрести «все», вдруг стало ясно: ничего не радует...

— В качестве режиссера и продюсера вы затеяли программу с шокирующим названием «Деньги». И довольно скоро она сошла с эфира. Это проигрыш?

— Я получил невероятный опыт, потому что никто подобного не делал. Чистая импровизация, никаких сценариев. Работа с каждодневной реальностью. Когда стало получаться — закрыли... Но знаете, какое количество людей помнит проект!

Мне было предложено сделать новый шаг. И я его сделал охотно. Пример приведу. Когда работал в театре, пел Дениса Давыдова и играл на гитаре. И никогда в жизни не собирался выходить на эстраду. Но Володя Высоцкий взял меня за шиворот, увез в Кишинев и сказал: «Сегодня будем петь для студентов».

Когда вышли, оказалось, что перед нами зал в 20 тысяч человек. Я спел — и имел успех. Когда вышел за кулисы, Высоцкий сказал: «После этого тебе ничего не страшно».

Несколько раз в жизни у меня прекращалось все. И сегодня все мои предложения отвергаются практически без рассмотрения. Кто-то там, «за забором», говорит: «Его нам не нужно». Не обижаюсь. Ищу другую дорогу. Поэтому я живой.

● Лариса МАЛЮКОВА

Дыховичный Иван